

Вот так — буква к букве — создавались массовые издания и печатные шедевры прошлых веков. Сейчас так создаются только шедевры.

This is the way — one letter at a time — that mass publications and printed masterpieces were created in days gone by. Now only masterpieces are made this way.

Талантливым и одержимым людям удается жить вопреки не только житейской логике, но и физическим законам. Например, перемещаться во времени. Попробуйте оказаться... ну, скажем, в позапрошлом столетии! А ведь некоторым это удастся. Правда, есть и одно условие: необходимо быть всей душой преданным своему делу. И тогда в нашем урбанистически обустроенном пространстве начинают происходить чудеса: обычный подвал на Миллионной улице вдруг превращается в печатную мастерскую XIX века с царящей там почти монастырской аурой самооточения. «А без этой особенной атмосферы, — считает издатель Петр Суспицын, — создание рукотворной книги просто невозможно».

Talented people with an obsession manage to live in defiance not only of everyday logic, but even of the laws of physics. To travel in time, for example. Just try going back, say, a century and a half! But some people do manage it. There is one precondition, though: you have to be devoted heart and soul to your cause. And then in our urbanized space miracles start to happen: an ordinary cellar on Millionnaya Street suddenly turns into a nineteenth-century printing shop with an almost monastic aura of self-confinement. "Without this special atmosphere," the publisher Piotr Suspitsyn insists, "the creation of a hand-made book is simply impossible."

Пушкин в рыбьем переплете

Лариса ЗОРИНА / by Larisa ZORINA

Pushkin bound in fish skin

Издательство «Редкая книга из Санкт-Петербурга» возникло 14 лет назад наперекор всяким смыслам — и здравому, и коммерческому. После романтических поисков собственного пути (окончив мореходное училище по специальности инженер-механик, он стал готовиться к поступлению в Академию Художеств) Петр вместе со многими своими сверстниками полной грудью вдохнул ветер перемен и, как говорится, на всех парусах устремился в бурное море коммерции. Дело шло успешно, доходы росли, но душа просила другого.

«В один из зимних вечеров 1991 года я зашел в мастерскую к своему другу, художнику Андрею Пахомову. Он показал только что сделанный альбом с его литографиями в изумительно красивом кожаном переплете. Этот альбом и натолкнул меня на мысль организовать собственное издательство и заняться созданием уникальных книг», — вспоминает Петр. Чтобы воплотить идею в жизнь, он продал свою долю в коммерческом предприятии.

Библифильская книга — это совершенно специфический вид издательской деятельности, она создается художником, как произведение искусства, от начала и до конца вручную — от переплета до изготовления, например, специального шрифта и высокохудожественных иллюстраций. Для чтения такие издания предназначены в последнюю очередь: их место в витри-

нах музеев, национальных библиотек или в собрании библиофила — человека, который, согласно определению энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, «одержим страстью собирать книги без надлежащего их использования».

«Тонко подмечено, — улыбается Петр. — Конечно, за десятки лет наши эстетические вкусы и ценности были настолько нивелированы, что трудно даже представить, что может вновь возникнуть круг ценителей-библиофилов или любителей рукотворных книг. Но я ни о чем таком не задумывался, а просто следовал своему призванию, как ни высокопарно это звучит. И очень рад, что обрел дело, в котором соединились и мои организаторские способности, и художественные пристрастия».

«Псалмы Давида» в ореховом переплете с серебряной пластиной, гравированной Павлом Татарниковым.

The Psalms of David in a walnut wood binding bearing a silver plaque engraved by Pavel Tatarnikov.

The “Rare Book from St Petersburg” publishing house appeared fourteen years ago contrary to any sort of sense, common or commercial.

“One winter’s evening in 1991 I dropped in at the studio of my friend, the artist Andrei Pakhomov. He showed me a just finished album of his lithographs in a stunningly beautiful red leather binding. It was that album that prompted me to think of organizing my own publishing house and devoting myself to the creation of unique books,” Piotr recalls. In order to make the idea a reality, he sold his share in a commercial enterprise.

Books for bibliophiles is a highly specific form of publishing activity. They are created by an artist, as a work of art, by hand from start to finish, from the binding to devising, for example, a special font and illustrations of high artistic quality. The last thing such publications are intended for is to be read: their place is in museum display cases, libraries or in the collection of a bibliophile — a person who, according to the definition in Brockhaus and Efron’s encyclopaedic dictionary, is “possessed of a passion for collecting books without using them in the appropriate manner.”

“Neatly put,” Piotr smiles. “Of course, over the decades our aesthetic tastes and values were so levelled down, that it’s hard even to imagine that a circle of bibliophile-connoisseurs or lovers of hand-made books might appear once again. But I had no such thoughts, I simply followed my vocation, high-falutin’ as that may sound now. And I am very glad to have found a business that combined my organizational abilities and my artistic inclinations.”

The most difficult thing when starting out proved to be finding old printing equipment. The backwardness of the Soviet printing industry turned out to the advantage of the publishing house — Piotr Suspitsyn managed to assemble a unique range of metal fonts for hand-setting texts in different languages. This is his special pride and at the same time a great concern: “There are no type-casting works left in Russia now. When the printing shops went over to computer typesetting, the fonts were sent to be melted down. The fonts that have

Самыми сложными на этапе становления оказались поиски старинного типографского оборудования, без которого невозможно было осуществить задуманное. Первым появился позолотный пресс, который можно было использовать и для печати ксилографий — гравюр на дереве. Печатный станок XIX века «скучал» в одной из московских типографий в ожидании момента, когда его отправят на свалку. Старинное литографское оборудование переместилось на Миллионную из мастерской художника, который специализировался на портретах советских вождей и, будучи «благонадежным», мог иметь множительную технику в частном пользовании. Папшер, инструмент для резки бумаги, неожиданно отыскался во Дворце пионеров. На нем резали листовое железо и никоим образом не желали с ним расставаться. После долгих переговоров состоялся обмен антикварного типографского агрегата на современный станок для резки металла. На отреставрированном папшере теперь можно резать даже папиросную бумагу.

Отсталость советской типографской базы сыграла на руку издательству еще в одном: Петр Суспицын успел собрать уникальную кассу металлических шрифтов для ручного набора текстов на разных языках. Это предмет его особой гордости и одновременно беспокойства: «Сейчас в России больше не существует шрифтолитейных за-

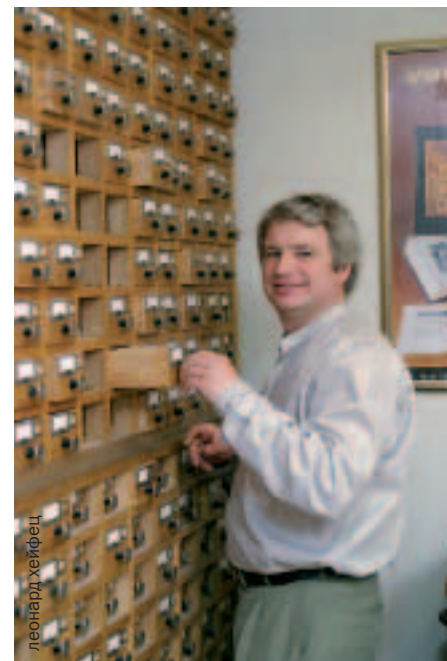
водов. Когда типографии переходили на компьютерный набор, шрифты отправляли на переплавку. Те шрифты, что сохранились, стареют, стираются, и через пятнадцать–двадцать лет пополнить кассу наборщика будет нечем. Специальные краски, переплетную кожу и хорошую бумагу ручного производства приходится покупать за границей. Увы, в России такие материалы не делают. А поскольку и традиции редкой книги, к сожалению, оказались почти полностью утрачены, перед нами встали каверзные вопросы: как должна выглядеть наша книга, какой тираж будет оптимальным, какова будет эстетическая направленность издательства? Порой предлагались весьма смелые «архитектурные» решения: например, книга в виде раскладывающегося куба или в форме замысловатой пирамиды. Были попытки представить будущие книги как художественный эксперимент и издавать их в единственном экземпляре. Мы размышляли об этом постоянно и на многое находили ответы в процессе работы».

Библиофильская книга предполагает крайне малый тираж — максимум 25 экземпляров. Это книга с оригинальными авторскими иллюстрациями. Каждый экземпляр переплетается индивидуально. Цены соответствующие — до 15 тысяч долларов.

Издания «Редкой книги из Петербурга» хранятся в Британском музее, в Кабинете гравюр в Берлине, в Баварской Нацио-

Почти с уверенностью можно утверждать, что в развитых странах, несмотря на богатые книгоиздательские традиции, нет подобных типографий «полного цикла» — от замысла до его фантастического воплощения.

It seems almost a certainty that, despite rich book-publishing traditions in countries around the world, there are no comparable “complete cycle” print-shops coming up with a concept and seeing it through to its fantastic realization.

Пётр Суспицын, собравший уникальную кассу шрифтов ручного набора, может с гордостью сказать строфой Пушкина: «Послушна мне, сильна моя держава; В ней счастье, в ней честь моя и слава!»
Piotr Suspitsyn, who has assembled a unique range of hand-setting fonts, can repeat with pride those lines from Pushkin: Over a mighty realm I reign; Upon it rest happiness, my honour and my fame!

«Оды» Горация в шкатулке из каррарского мрамора с бронзовой накладкой.
Horace's Odes in a Carrara marble casket mounted with bronze.

Бессмертные строки должны облекаться в подобающее одеяние, которое исполняют переплетные дел мастера Андрей Куликов и Андрей Дегтев.
Immortal lines should be clad appropriately, in a binding by the masters Andrei Kulikov and Andrei Degtev.

Печатник Сергей Яшин священнодействует над Dingler'sche maschinen — печатным станком XIX века.
The printer Sergei Yashin conjuring over a Dingler 19th-century printing press.

леонард хейфец

100

survived are getting old and worn, and in fifteen to twenty years there will be nothing to fill the compositor's case with. We had to buy special inks, binding leather and good handmade paper abroad. Sadly, materials like that aren't made in Russia. And since the traditions of rare bookmaking had, unfortunately, been almost entirely lost, we were faced with some tricky questions: what should our book look like, what would be the optimum print-run, what would the aesthetic direction of the publishing house be? Some very bold 'architectural' suggestions were made at times: a book in the form of a cube that opened up, for example, or in the shape of an elaborate pyramid. There were attempts to picture the future books as an artistic experiment and to publish them in single copies. We kept thinking it over all the time and found the answer to many things directly in the course of the work."

Bibliophile books presuppose an extremely small print-run — 25 copies at most. These are books with original artist's illustrations. Each copy is bound individually. The prices are correspondingly high — up to 15,000 dollars.

Works from the "Rare Book from St Petersburg" publishing house are kept in the

British Museum, the Kupferstichkabinett in Berlin, the Bavarian National Library and the Hermitage. The most costly project to date has been a ceramic book of Sumerian and Babylonian poetry — *Seven incantations, prayers and ritual songs from the poetry of Sumer and Babylonia*. The ancient texts in Russian translation were impressed using a font stylized to resemble cuneiform directly into the clay. Shakespeare's *Sonnets* appeared with 38 woodcuts, printed in English following the orthography of Shakespeare's time. For Sophocles' *Antigone* the artist Sergei Schwemberger created a special Greek font set. Horace's odes were published in Latin. They lie as separate sheets in a sarcophagus of Carrara marble: the practice of not sewing books together originated in the early twentieth century in France, where such books are kept in folders and known as *livres d'artiste*.

Piotr insists that in the art of the small-print-run book nothing is unimportant: "After many years of intensive work and reflection I came to the understanding that the rare book is the book of books. Everything in it should be perfect. I regard working on it as a ritual, like the sacramental veneration of

101

Каллиграфию и резцовые гравюры для «Дон-Кихота» создал академик Российской академии художеств Илья Богдеско.
The calligraphy and burin engravings for *Don Quixote* were the work of Ilya Bogdesco, an academicien of the Russian Academy of Arts.

нальной библиотеке, в Эрмитаже. Самым дорогим проектом стала керамическая книга «Семь заклинаний, молитв и обрядовых песен из поэзии Шумера и Вавилонии». Древние тексты в русском переводе напечатаны шрифтом, стилизующим клинопись, прямо на глине. «Сонеты» Шекспира вышли с 38 гравюрами на дереве и напечатаны на английском языке в орфографии шекспировского времени. Для «Антигоны» Софокла художник Сергей Швембергер создал специальную греческую гарнитуру шрифта. Оды Горация были изданы на латыни. Их отдельные листы лежат в саркофаге из каррарского мрамора: традиция не сшивать книги появилась в начале XX века во Франции, такие книги хранятся в папках и называются *livre d'artist*.

Петр утверждает, что в искусстве малотиражной книги нет вещей неважных: «После многих лет напряженной работы и размышлений я понял, что редкая книга — это книга книг. В ней все должно быть совершенно. Работу над ней я вижу как ритуал, как таинство почитания давних традиций. И тогда каждая книга становится живым образом, раскрывающим смысл того, что устремляет нас к пониманию истины, что радует нас и делает лучше».

Работа над подобными книгами иногда длится годы. Поскольку издания делаются не на заказ, главная цель издателя и художника — совершенный результат. Издатель

Вверху. Кот Петрик явно проявляет интерес к процессу создания очередного шедевра.

Справа. Керамическая книга шумерской и вавилонской поэзии — стилизация глиняных табличек, на которых писали 5 тысяч лет назад.

Above. Petrik the cat takes a clear interest in the process of creating another masterpiece.

Right. The ceramic book of Sumerian and Babylonian poetry is a stylized imitation of the clay tablets people wrote on 5,000 years ago.

Слева. «Книга Екклесиаста» переплетена в кожу, а латунная накладка гравирована художником Юрием Люкшиным.

Left. *The Book of Ecclesiastes* bound in leather with a brass mount engraved by the artist Yuri Liukshin.

ancient traditions. And then every book becomes a living image, revealing the profound sense of what urges us towards an understanding of the truth, what delights us and makes us better.”

Work on books like these sometimes goes on for years. Since the publications are not made to order, the main aim of the publisher and the artist is a perfect result. The publisher chooses for the most part texts that have stood the test of time: Shakespeare’s sonnets, the verses of Anacreon, Pindar’s odes, extracts from Cervantes’s *Don Quixote*. Then the time for creativity begins.

“My own spiritual searchings led me to the need to open a new publishing house, *The Living Word*, oriented towards literature exclusively spiritual in content. We dream of

выбирает в основном тексты, прошедшие проверку временем: «Сонеты» Шекспира, стихотворения Анакреонта, оды Пиндара, фрагменты «Дон-Кихота» Сервантеса. А потом наступает время созидания.

«Собственные духовные поиски привели меня к необходимости открыть новое издательство „Живое Слово“, ориентированное на литературу исключительно духовного содержания. Мы мечтаем выпустить значительным тиражом Священное Писание в изысканном художественном оформлении, — продолжает Петр. — И всего несколько недель назад на свет появился первый экземпляр книги „Десять заповедей Моисея“».

Древнееврейский оригинал текста вытиснен на пластинах из толстой кожи, с рифленой поверхностью, фактурой напоминающей мацу. Кожаные страницы проложены тончайшими бумажными листами ручного отлива, на которых заповеди отпечатаны на семи европейских языках.

Продолжается трудоемкая работа над пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке». Поскольку в литературоведении есть версия, что этот сюжет пришел к нам с берегов Нила, для книги разработан переплет из египетского папируса и рыбьей кожи.

Идет разработка макета «Слова о полку Игореве», в воздухе уже носятся сумасшедшие идеи о том, как должна выглядеть книга Лермонтова «Герой нашего времени». ■

103

producing a considerable print-run of the Scriptures in an exquisite artistic design,” Piotr continues. “And just a few weeks ago the first copy of a book of *The Ten Commandments of Moses appeared.*”

The Ancient Hebrew original text is embossed on sheets of thick leather with a corrugated surface, the texture of which resembles matzo. These leather pages are interspersed with extremely fine sheets of handmade paper on which the commandments are printed in seven European languages.

Laborious work continues on Pushkin’s *Tale of the Fisherman and the Fish*. Since among literary scholars there is a version that this subject came to us from the banks of the Nile, a binding has been devised for the book using Egyptian papyrus and fish skin (that has to be bought in Finland).

Work is underway on a design for *The Lay of Igor’s Host*. Crazy ideas are already flying about with regard to how an edition of Lermontov’s *A Hero of Our Time* should look. Although who better to judge than Piotr Suspitsyn — a man and publisher who has combined sober calculation with creative inspiration. ■

Петр Суспицын передает изданные им книги Государственному Эрмитажу.

Piotr Suspitsyn giving books he has published to the Hermitage.

«Десять заповедей Моисея» — самая «тяжелая» книга, произведенная на свет издательством. Ее вес более 15 килограммов.

The Ten Commandments is the heaviest book the publishing house has produced. It weighs over 15 kilograms.

102

